

Продолжая цикл ежегодных конференций, посвященных славянской идее (в мае 2002 г. состоялась десятая по счету), Отдел восточного славянства на этот раз внес в его концепцию ряд существенных изменений. Если раньше обсуждению подлежали прежде всего макро - или мультиславянские идеи, то теперь их круг расширился за счет национальных идей отдельных народов. В гораздо большей степени учитывался – центральный для Отдела - украинский и белорусский материал. Работа его коллектива над проектом «Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе»* в значительной мере определила тему конференции. Отсюда также особое внимание к региональному контексту истории славянских народов: несколько докладов сделаны на неславянском материале. Указанный контекст важен как для типологического сопоставления, так и ввиду того, что славянские национальные идеологии и движения формировались зачастую в острой конфронтации с неславянскими соседями. В докладах приветствовались выход за пределы «классического» XIX в. и обращение к новейшей истории. Наконец, на конференции был предусмотрен междисциплинарный подход к освещению затрагиваемой проблематики.

Геополитические проекции национальных идей – во многом обделенный вниманием наших специалистов аспект, а между тем значение его трудно переоценить. В частности, представления о национальной территории, этом пространственном континууме, как и представления о временном, историческом континууме этноса, – весьма важный показатель зрелости национальной идеологии.

Геополитика формировалась как наука, обращенная к изучению современных процессов. Однако за время ее существования возникли такие отрасли, как историческая геополитика и история геополитических взглядов. Эта последняя определенно свидетельствует о том, что геополитическая мысль начала развиваться задолго до возникновения самого понятия геополитики. Если говорить о геополитическом постижении славянского мира и его ближайшего окружения, то нельзя не назвать имен М.П.Погодина, Н.Я.Данилевского и К.Н.Леонтьева.

Участники конференции в своих докладах и состоявшейся по ним дискуссии обратились к геополитическим аспектам политической и научной мысли, международных отношений, регионалистики и, конечно же, процесса формирования наций.

Открыл конференцию доклад д.и.н.Л.Е.Горизонтова (Институт славяноведения РАН) «Формирование представлений о национальной территории у украинцев». Память об объединении украинских земель в составе Польской короны продолжала жить на обоих берегах Днепра и после Переяславской рады, находя преломление в политике гетманов, установках и географии народных движений, казацком летописании. Однако за вторую половину XVII и почти целый XVIII в. вследствие активной политики Москвы и Варшавы углубился процесс дезинтеграции, что стало особенно очевидным после екатерининских разделов Речи Посполитой. Переход Галичины под власть Габсбургов и столетнее пребывание Холмщины в составе Царства Польского способствовали нарастанию межрегиональных различий.

В Российской империи отголоски представлений о единстве украинских земель прослеживаются как в опытах и проектах административно-территориального деления, так и в географии антиукраинских мер. Однако устойчивая административная традиция локализации Малороссии и Украины преимущественно на Левобережье и растущие этнографические познания все более вступали между собой в противоречие, что признавалось даже в дореволюционной энциклопедической литературе и особенно ярко проявилось в 1917 г., когда вопрос о границах украинской автономии был перенесен в практическую плоскость. Дополнительную сложность вносила исторически сложившаяся путаница в терминологии, усугубляемая тем, что понятия Малороссия – Украина, малороссы – украинцы приобретали выраженное политическое звучание.

Представления о национальных интересах и в том числе о национальной территории в XIX – начале XX вв. формируются национальными будителями, начиная с кирилло-мефодиевских братчиков и членов «русской троицы». В старой киевской громаде 60-х гг. организационно сплачиваются левобережники и правобережники, среди которых видная роль принадлежала польским украинофилам. С 70-80-х гг. усиливается влияние Большой Украины на Галичину. Позднее с превращением последней в «украинский Пьемонт» интегрирующее влияние идет также с запада на восток. Однако чем ближе становилось знакомство жителей Поднепровья с галичанами (особенно с 1918 г.), тем очевиднее делались различия, доходя нередко до глубокого взаимного отчуждения. Новый процесс – малороссийская колонизация Причерноморья – долгое время находился вне поля зрения национального будительства и не вызывал опасений за целостность империи.

Несмотря на географическую компактность и принадлежность Галичины, Закарпатья и Буковины Габсбургской монархии, и по эту сторону межимперской границы связи между названными регионами даже в последней трети XIX в. были весьма слабыми. Лишь на рубеже веков под влиянием все того же галицкого Пьемонта в Закарпатье стало набирать силу украинское направление, позднее, уже в чехословацкий период, поддержанное эмигрантами из Большой Украины.

Итог усилий национального движения XIX в. подвел Н. Михновский, писавший в 1900 г. о «единой, неделимой, свободной и самостийной Украине от Карпат до Кавказа». Намечая столь широкую геополитическую перспективу, он не оставил никаких сомнений в своих намерениях, употребив формулу «Украина для украинцев». Налицо усвоение украинским движением великодержавной русско-имперской риторики.

Исключительно велика в судьбах Украины также роль империй-собирателей. Планы приобретения восточнославянских земель, оказавшихся за пределами Российской империи, вынашивались со времен Екатерины Великой, еще на этапе династической внешней политики. В канун и во время Первой мировой войны усилия империй и национальных движений переплетаются особенно тесно. В процессе своего становления национальное украинское государство пытается руководствоваться теми представлениями, которые выработаны в рамках национального движения.

Если распад Российской империи привел к созданию Украинской Народной Республики,

то менее года спустя в результате распада Австро-Венгрии образовалась Западно-Украинская Народная республика. Делались шаги по пути объединения двух украинских республик. В межвоенный период произошло дальнейшее дробление интересующих нас земель между различными государственными организациями (4 вместо 2 прежних) Самым удачливым собирателем украинских земель оказался СССР, решавший таким образом свои глобальные геополитические задачи.

Когда в канун новой мировой войны у гитлеровской Германии наметилась возможность проводить активную украинскую политику, опираясь на плацдарм Карпатской Украины, последовала незамедлительная реакция Сталина. Присоединение к СССР зарубежной Украины в период Второй мировой войны нанесло окончательный удар по тамошнему русофильскому направлению и, наряду с включением в состав Союза Прибалтики, явилось катализатором дезинтеграционных процессов на советском пространстве.

Исторический опыт говорит о существовании украинской триады: украинизация - самостийность - соборность, каждый элемент которой сопряжен с двумя другими.

Востоочнославянский блок конференции был продолжен докладом к.ф.н.О.А.Остапчук (Институт славяноведения РАН, МГУ) «Украинский литературный язык как фактор формирования представлений о национальной территории». Одна из основных характеристик литературного языка нового типа — наддиалектность, общезначимость для всей национальной территории. Украинский литературный язык в этом отношении представляет особый интерес, поскольку данная черта как раз не была изначальным условием его кодификации. Именно регионализм, специфичность языка отдельных территорий долгое время культивировались в культурном и языковом сознании.

Переориентация литературного и языкового творчества на народную разговорную речь, начавшаяся с И.Котляревского, знаменовала также начало перестройки отношений внутри системы диалект-литературный язык. Если в формировании староукраинской книжности существенную роль играли территории юго-западного языкового ареала, то основой нового литературного языка становится среднеднепровский (юго-восточный) диалект. На начальном этапе развития новой украинской литературы складывается представление о Центральной Украине как колыбели литературного языка. Издание «Русалки Днестровой» в 1837 г. разрушило монополию Поднепровья. В 30-40-е гг. за ней последовал ряд рукописных и печатных грамматик украинского языка, которые заложили основы кодификации литературного языка на базе юго-западных диалектов.

Появление словарей, грамматик, художественных и публицистических произведений, написанных представителями разных регионов Украины, говорило о формировании единого культурного и языкового пространства. Вместе с тем создавалась почва не только для уникальной вариативности форм и лексем, но и языкового соперничества. Окончательной языковой консолидации препятствовало то, что в Галичине и Закарпатье реализовались другие проекты литературных языков: в частности, там долгое время функционировало «язычие», в котором региональные украинские, русские, польские элементы накладывались на церковнославянскую основу.

Дискуссия о характере нового украинского литературного языка 1891-1892 гг., стала, с одной стороны, осознанием конфликта между «малорусской» и «галицкой» языковыми моделями, а с другой – очередным шагом на пути к культурной и языковой консолидации всех украинских земель. Этому же способствовали решение о том, что общеукраинский литературный язык должен строиться на основе центральных диалектов и закрепление самого термина «украинский язык» за всеми его региональными разновидностями в конце XIX в. В 1920-30е гг. этому в немалой степени также способствовала деятельность Института украинского языка НАНУ (Киев) и Научного общества имени Т.Г. Шевченко (Львов), но и в период украинизации данный процесс не получил завершения.

В своем выступлении к.и.н. Е.Ю.Борисенок (Институт славяноведения РАН) затронула этнонациональный аспект политики союзного центра в отношении Украины в 1920-30-е гг. Советское национальное строительство, целью которого было преодоление прежних противоречий и консолидация неоднородного государственного пространства, имело целый ряд аспектов – социальных, экономических, политических, культурных. В ходе строительства социализма предполагалось добиться «выравнивания уровней» различных народов (и, соответственно, регионов их проживания), в связи с чем необходимы были как местные кадры управленцев и интеллигенции, так и «национальные отряды рабочего класса».

Особое значение придавалось Украине – и в силу ее удельного веса в СССР, и в силу международного значения украинских земель, являвшегося не в последнюю очередь отражением их геополитического положения. Выдвигая задачу украинизации промышленных районов и городов Украины, дабы обеспечить «смычку города с деревней», Сталин сознательно стремился превратить республику в «образцовую» по части решения национального вопроса. Создание системы преимуществ для титульных наций с целью обеспечения широкой поддержки режима на местах приводило к созданию в республиках этнической партийной элиты, что имело далеко идущие последствия как для самой Украины, так и для СССР.

В докладе к.и.н. А.С.Карцова (СПбГУ) «Внешиполитическая мысль русского консерватизма (изоляциялизм, панславизм)» на материале последней трети XIX – начала XX вв. показано сосуществование и развитие двух внешнеполитических ориентаций отечественной консервативной мысли. Лишь с военным поражением России в Крымской войне и началом Великих реформ консервативная мысль разрабатывает развитые доктрины внешней политики государства. На их генезис наложило отпечаток наличие среди консерваторов приверженцев как славянофильско-почвеннических, так и западнических взглядов.

Изоляционисты исходили из опасности дальнейшего расширения империи, указывая на пагубность увеличения ее полиэтничности и перспективу столкновения с Центральными державами, которые представлялись им много предпочтительнее западных демократий. В начале XX в., когда среди изоляционистов было значительное число черносотенцев, на закрепление указанной позиции повлияло то, что славянофильская фразеология все больше эксплуатировалась либералами октябристско-кадетского толка. Как показал исторический опыт, изоляционисты обнаружили большую прозорливость, предсказав, в

частности, механизм вовлечения в мировой военный конфликт и роль в нем Балкан, находившихся, кстати сказать, в центре внимания всех отечественных геополитиков.

Экспансионисты, большинство которых являлись по своим убеждениям панславистами, также демонстрировали известный прагматизм. Так, стремясь предотвратить реализацию «великих идей» славянских народов, они принимали в расчет межславянские противоречия. Прагматическую составляющую панславизма усвоил геополитический преемник Российской империи – Советский Союз. Свои наблюдения докладчик основывал на изучении периодики.

К.и.н. Б.И. Греков (Институт славяноведения РАН) в докладе «Западные регионы Российской империи и идея Срединной Европы в годы Первой мировой войны» остановился на важной германской геополитической концепции, оформившейся в 1915-1916 гг. и имевшей влияние на национальные движения ряда славянских и неславянских народов, в частности украинцев. Ее утверждение в качестве государственного курса было задержано тем обстоятельством, что, имея в России значительные экономические интересы, Германия не порывала до конца деловые связи со своим восточным соседом даже после развертывания военных действий.

Наряду с пангерманцами, стремившимися к получению «территории без людей», существовали либеральные интерпретации доктрины Срединной Европы, которые, проявляя интерес к тем же территориям, предлагали иные методы вовлечения новых пространств в сферу влияния Германии. При этом делался акцент на экономическую привлекательность прогерманской ориентации для национально-государственных образований, которым предстояло возникнуть в результате распада России. Важную роль играла идея революционизации, изначально разработанная германскими стратегами как способ развала Британской империи. Широко использовались как национальные, так и социальные лозунги, включая право наций на самоопределение.

Конкретным инструментом претворения идеи Срединной Европы в жизнь стала Лига нерусских народов России, располагавшаяся в Швейцарии и финансируемая германским посольством, но внешне сохранявшая лояльность в отношении западных партнеров России по Антанте. Документы МИДа Германии дают представление о денежных вливаниях, в том числе на издание и распространение в России журналов, которые адресовались народам западных регионов, отмеченных в то время повышенной социально-политической напряженностью. Германские геополитические установки были позднее подхвачены державами Антанты, что способствовало долговременному влиянию внешнего фактора на национальное самосознание уже на постимперском пространстве.

К.и.н. О.В. Хаванова (Институт славяноведения РАН) в докладе ««Хунгарская» и «мадьярская» модели венгерской нации: от территориального к этническому принципу» рассмотрела две геополитические проекции венгерской нации, показав, как они складывались, сосуществовали и конкурировали во второй половине XVIII – начале XIX вв. в контексте реформирования системы образования. Сформировавшаяся в средневековье надэтническая общность Hungari, т.е. жители Королевства Венгрия,

которая объединяла все население этой страны, в XIX в. раскололась, уступив место враждовавшим друг с другом сообществам, основанным на национальных языках. Причины этих изменений давно волнуют венгерских ученых, однако системе образования в этом процессе не всегда уделяется должного внимания.

Школьная реформа, осуществленная в Венгрии в 70-е гг. XVIII в., не предполагала доминирующего положения венгерского языка. На начальных ступенях в преподавании должны были использоваться языки, распространенные в данной местности, на более высоких ступенях их сменяла объединявшая все этнические группы латынь. В то же время правящие круги монархии Габсбургов все яснее осознавали, что язык является мощным инструментом государственной консолидации и культурной гомогенизации. Усилия венских властей по насаждению немецкого языка в сфере образования свидетельствуют о том, что Габсбурги стремились вырастить новую, лояльную имперскому центру немецкоязычную элиту. Эта политика в сочетании с генеральной линией Вены на централизацию земель и провинций во второй половине XVIII в. привела к тому, что венгерская политическая элита и нарождавшиеся национальные интеллигенции невенгерских народов Королевства (не в последнюю очередь выращенные новой школьной системой) признали модель нации, основанную на общности языка, единственно жизнеспособной и исторически перспективной.

В докладе д.и.н. И.И.Лещиловской (Институт славяноведения РАН) представлены во взаимодействии географические, исторические, политические, социально-экономические, демографические и культурные факторы, определившие геополитическое положение хорватского народа в первой половине XIX в. и придавшие особые черты иллиризма идеологии хорватского национально-освободительного движения.

Проживание хорватов на межконфессиональном и цивилизационном разломе сказывалось на их судьбах, порождая, в частности, периодические колебания хорватской политической мысли между Западом и Востоком. Существенными особенностями исторического развития хорватов явились разделение этноса государственными и административными границами, отсутствие у него культурного единства в условиях существования литературы на трех диалектах, смешанное проживание хорватов с близкородственными народами, прежде всего сербами, с которыми у части хорватов был общий литературный язык. Политическое положение различных частей Хорватии в конце XVIII – первой половине XIX вв. характеризовалось сохранением остатков былой автономии при растущем давлении со стороны Австрии и Венгрии.

Ответом на потребность в культурном объединении народа как условия сохранения его самобытности в условиях иноземного гнета стал иллиризм. Эта доктрина была нацелена на консолидацию хорватов путем единения с другими ветвями южного славянства, политическое воссоединение Хорватии, Славонии и Далмации в рамках Триединого королевства, защиту автономных прав и культурно-политическую ориентацию хорватов на Балканы. Далеко идущие южнославянские амбиции иллиризма остались утопией, однако в условиях сложной геополитической ситуации в значительной степени

раскрылся его этноконсолидирующий потенциал.

Д.и.н.Ар.А.Улуян (Институт всеобщей истории РАН) представил доклад на тему «Геопространственные ориентиры этно-политических программ албанцев и греков в отношении соседних славянских народов (конец XIX – XX вв.)». Программы национального освобождения балканских народов, находившихся под властью Османской империи, формулировались с учетом этнического и конфессионального факторов. С конца XIX в. они приобрели у большинства из них резко очерченные этно-политические черты, что во многом было обусловлено процессом образования на полуострове национальных государств.

Для греков и албанцев – единственных, помимо турок, неславянских народов Балкан - «славянский фактор» становился одним из главных при формулировании национально-государственных доктрин. С конца XIX и на протяжении всего XX вв. основными элементами последних являлись алармистское восприятие целей внешнеполитического курса славянских стран; поиск возможных путей минимизации исходящих от соседей угроз (реальных и мнимых); противодействие попыткам использования славянских государств родственными им славянскими меньшинствами, проживающими на заселенных греками и албанцами территориях или в пределах государственных границ Греции и Албании; стремление объединить все территории, где имелось компактное албанское и греческое население (а позднее и те территории, где оно не составляло большинства), в рамках национальной государственности.

Наряду с этими, во многом общими для этно-политических программ балканских народов элементами, существовали и другие, характерные именно для албанской и греческой «версий». Прежде всего это касалось исторической аргументации (автохтонность двух народов, имманентно присущая им «балканскость», этно-территориальное «распыление» как результат поздней миграции славянских народов и турок). Политическая составляющая рассматриваемых программ формулировалась в категориях «сохранения этно-территориального единства» албанцев и греков, высокой степени связей двух народов с европейским геополитическим и культурным пространством, противодействия экспансии славянства. Данные положения с разной степенью интенсивности использовались как для внутренней консолидации Албании и Греции, так и при формировании внешнеполитического курса двух стран. «Славянский элемент» программ превращался также в инструмент воздействия албанцев и греков друг на друга в периоды, когда их кратковременные союзы со славянскими государствами преследовали цель собственного усиления в регионе.

Д.и.н. В.И.Косик (Институт славяноведения РАН) поделился своим размышлениями о роли национализма на Балканах в XIX-XX вв. В 19 в. балканские народы оставались статистами, по возможности, копируя путь Западной Европы: движущей силой, особенно в сербском случае, было желание сделаться европейцами. Кроме того, балканские народы являлись сателлитами великих держав, от поддержки которых в высокой степени зависело их будущее. Тем не менее все достижения национализм был склонен приписывать себе. Характеризуя в геополитической плоскости национализм как комплекс разнообразных мер, призванных распространить те или иные понятия о благе

на соседние территории, можно сослаться на исторический опыт борьбы соседей за Македонию.

По крайней мере с начала XX в. история не столько вершится вновь, сколько конструируется в опоре на исторические традиции. Национализм плодотворен, когда он выступает хранителем культуры, способствует углублению самопознания этноса, оставаясь при этом открытой системой, не препятствующей усвоению инонациональных ценностей. Однако зачастую он реализует себя отнюдь не в культурной, а в политической плоскости, что, собственно, и наблюдается на современных Балканах.

Доклады, весьма разнообразные по привлеченному материалу и исследовательским подходам, вызвали живой интерес всех присутствовавших на конференции, показали актуальность и плодотворность постановки вопроса о геополитических проекциях национальных идей.

* В 2002 г. она велась при поддержке РГНФ (грант 02-01-00-291а).

Л.Е.Горизонтов